
ПРОБЛЕМА ОКАЗАНИЯ ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на примере украинских губерний)

В статье на основе материалов архивов и журналов, издававшихся в Харьковской и Полтавской областях, рассказывается о роли священнослужителей Полтавской и Харьковской епархий Украины в оказании моральной, жилищной и материальной помощи беженцам из прифронтовых областей Российской империи в годы Первой мировой войны и их взаимодействии со светскими властями по вопросу урегулирования положения беженцев.

♦ ♦ ♦

Zhvanko Lubov Nikolaevna, Nestulya Aleksey Alekseevich

THE PROBLEMS OF RENDERING OF SPIRITUAL AND RELIGIOUS HELP TO REFUGEES OF WORLD WAR I (examples of Ukrainian provinces)

The article describes, on the basis of archives and magazines published in Kharkov and Poltava regions, the role of clergies of Poltava and Kharkov's Ukrainian dioceses in providing moral and material help to refugees from frontline areas of the Russian Empire during World War I and their interaction on the question of refugees settlement with secular authorities.

♦ ♦ ♦

Shwanko Ljubow Nikolajewna, Nestulya Aleksej Alekseewitsch

PROBLEM DER ZEITUNG DER GEISTLICH-RELIGIÖSEN HILFE DEN FLÜCHTLINGEN DES ERSTEN WELTKRIEGES (am Beispiele der ukrainischen Gouvernements)

Im Artikel erzählt man auf der Grundlage der Materialien der Archive und Zeitschriften, der im Charkower und Poltawaer Gebieten herausgegebenen Zeitschriften, über die Rolle der Geistlichen Poltawaer und Charkower Eparchien der Ukraine bei der Zeitung der moralischen, materiellen und Wohnhilfe den Flüchtlingen aus den Frontgebieten des Russischen Reiches in den Jahren des Ersten Weltkrieges und ihrer Zusammenwirkung in der Frage der Regelung der Lage der Flüchtlingen mit weltlichen Mächten.

Смертоносный вихрь Первой мировой войны коренным образом изменил привычный уклад жизни подданных Николая Второго. На огромных просторах Российской империи гражданское население было разделено линиями Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, множеству из которых пришлось испытать горькую чашу беженства. Это в полной мере трагическое явление было новым, неведомым доселе испытанием для государства и общества. Член Государственного совета А.В. Кривошеин среди несчастий, которые свалились в то время на Россию, назвал и появление беженства. *«Из всех суровых испытаний войны появление беженцев является наиболее неожиданным, самым серьезным и трудноизлечимым... Мудрые стратеги немцев создали этот поток, чтобы запугать противника. Болезни, печали и нищета движутся вместе с беженцами на Россию. Они производят панику и уничтожают все, что осталось от порыва первых дней войны. Это тучи насекомых. Дороги разрушаются, и вскоре уже невозможно будет подвезти еду. Я как член Совета министров утверждаю, что следующая миграция населения приведет Россию во мрак революции».* [1]

Тематика беженства чрезвычайно актуальна и в настоящее время. Современный мир все так же нуждается в терпимом отношении к людям иной веры, к духовным святыням, а бедствия около 30 млн беженцев подтверждают несостоятельность современной цивилизации решить эту гуманитарную проблему планетарного масштаба.

Пребывание на украинских землях беженцев Первой мировой войны — достаточно сложная и многогранная проблема, поскольку для обеспечения жизненных нужд этих людей предусматривалось не только проведение комплекса мероприятий по предоставлению жилья, одежды, медицинской помощи, пищи, поиска места работы и учебы, но и больше — духовной поддержки. Наплыв беженцев вызвал широкое благотворительное движение, среди активных участников которого можно назвать и духовенство разных конфессий. Собственно о некоторых аспектах подвижнической деятельности священников по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны и пойдет речь в данной статье. Следует отметить, что священники не только исполняли свои непосредственные пастырские обязанности, но и участвовали в улучшении жизни беженцев.

В основу статьи положены документы государственного архива Харьковской области из фондов Харьковской Духовной Консистории (ф. 40), Благочинного 1-го округа Богодуховского уезда (ф. 720), Канцелярии куратора Римско-католической церкви Харькова (ф. 965), Харьковского губернского присутствия (ф. 18); материалы журнала «Полтавские епархиальные ведомости», печатного органа Полтав-

ской епархии из фонда государственного архива Полтавской области. При этом нужно отметить, что в областных архивах Житомирской, Херсонской, Одесской, Днепропетровской областей и Архиве Автономной республики Крым (Симферополь) материалов по избранной тематике не обнаружено. Причинами отсутствия документов можно назвать их уничтожение во время гражданской и Второй мировой войн, а также уже в мирное время, когда проводилась чистка архивов, при которой, в первую очередь, «страдали» фонды религиозной тематики.

Первые беженцы прибыли в Украину в конце 1914 — начале 1915 гг., а уже с июля 1915 г. в украинские тыловые губернии были направлены значительные группы беженцев. Причиной их массового прибытия было отступление российских армий из Польши, Западной Прибалтики и Галичины. В июне-августе 1915 г. насильственная эвакуация была проведена соответственно приказам Ставки по необходимости «очистки местности от населения» [2]. Кроме того, население бежало с фронтовой зоны, естественно, со страха за свою жизнь и жизнь своих близких. Красноречивым примером разгрома края можно назвать письмо священника Евгения Сапухина от 10 июня в 1915 г. к своему земляку — священнику Богодуховского уезда Харьковской губернии отцу Федору Вергуну: *«Многоуважаемый Отец Федор! Покорнейше прошу Вас выслать мне послужной мой список в двух экземплярах. Это мне необходимо для представления в разные места для утверждения в должности Священника. В настоящее время я нахожусь на реке Дубиссе, Ковенской губернии. Бесперывно гремят выстрелы артиллерии и ружейных залпов. По утрам и вечерам летают аэропланы и много [...] когда-нибудь напишу подробнее.*

Отряд наш передовой и перекочевывает с места на место почти ежедневно. Край разорён и ограблен немцами основательно, но насилия здесь над жителями они не производили. Пепелища кругом... На западе, за Дубиссой в трёх верстах от нас горят «халупы». Вечером и ночью взрываются ракеты...» [3].

В Полтавскую и Харьковскую губернии, которые имели статус тыловых губерний, было расселено такое количество беженцев:

Табл. 1

**Динамика расселения беженцев
в Полтавской и Харьковской губерниях (1915–1916 гг.)**

Губерния	Ноябрь 1915 г.	Декабрь 1915 г.	Февраль 1916 г.	Июнь 1916 г.	Ноябрь 1916 г.
Полтавская	24000	23970	30000	32764	42682
Харьковская	91138	116762	117606	114172	120983

Всего же на украинских землях временный приют нашли от 420 361 беженца в ноябре 1915 г. и до 761 245 в ноябре 1916 г. [4]. Следует отметить, что Харьковская губерния по количеству размещенных в ее уездах беженцев заняла среди украинских губерний и губерний Российской империи соответственно второе и пятое место. В конце декабря 1915 г. в европейской части России, по данным, собранным специалистами Комитета Её Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для предоставления временной помощи пострадавшим от военных действий (больше известное в среде беженцев как Татьянинский комитет), было зафиксировано 2 706 309 беженцев [5].

К середине лета 1915 г. потоки беженцев фактически заполнили тыловые губернии империи и стало очевидно, что общественность не может самостоятельно, без государственной помощи и четкого плана действий, преодолеть это явление. Современница тех событий писала, что *«беженство — чрезвычайно сложное и грандиозное явление по своему значению и размерам»* [6]. В связи с этим достаточно остро возникла необходимость создания юридического документа, положения которого бы отобразили правовые основы решения проблемы беженцев в Российской империи, а следовательно и обосновали создание государственного руководящего органа в этой сфере. Поэтому 30 августа в 1915 г. император подписал «Положение об обеспечении нужд беженцев», на основании которого организация социальной защиты беженцев возлагалась на центральные и местные органы власти, самоуправления разных уровней, общественные союзы, благотворительные, этнические и другие комитеты. *«Кроме того, право организовывать заботу о беженцах предоставляется всем православным приходам и другим местным церковным общинам, без разницы веры и национальности»* (статья 22).

Общеимперскую политику в области беженства осуществляло Особое совещание по устройству беженцев (далее — Особое совещание), образованное 10 сентября 1915 г. при Министерстве внутренних дел. Одной из 5 постоянных комиссий, которые этот орган имел право образовывать, была комиссия по удовлетворению духовных нужд беженцев [7]. Ее возглавлял Анатолий Федорович Кони (1844–1927 гг.), выдающийся российский юрист, общественный деятель, член Государственного совета [8]. Интересно отметить, что именно Харьков, в котором А.Ф. Кони прожил более двух лет, сыграл важную роль в становлении его профессиональных навыков и ораторской деятельности и оставил в памяти только теплые воспоминания [9]. Целью ее создания было *«возобновление нарушенного душевного равнове-*

сия среди беженцев, которое создали противоречивые распоряжения военного и гражданского начальства, потеря родителями детей в результате тяжелых условий дезорганизации движения на железнодорожных и грунтовых дорогах, скорби за родными местами, что их оставили, неопределенность положения в будущем» [10]. Комиссия по удовлетворению духовных нужд беженцев на протяжении существования Особого совещания работала достаточно интенсивно, обсуждая на заседаниях, главным образом, вопросы религиозной помощи беженцам разных конфессий. Члены комиссии признали необходимым «рассматривать этот вопрос отдельно для лиц православного вероисповедания и иноверного» [11].

С начала беженского движения говорить об удовлетворении религиозных нужд беженцев, по большому счету, не приходится, поскольку часто и священнослужителя не оказывалось на месте, чтобы отправить службу по умершим, окрестить новорожденных, поддерживать своей проповедью несчастных людей. Вскоре Святейший Синод, учитывая эти факты, заручился поддержкой главноуполномоченных по устройству беженцев Северо-Западного и Юго-Западного фронтов соответственно С.И. Зубчанинова и Н.П. Урусова [12], командующих российскими армиями, обязуя православных священников оставаться при своей пастве и отправляться в эвакуацию вместе с ними [11]. Таким образом, многие священники взяли на себя обязанности проводников групп беженцев до их прибытия на новое место.

В то же время православным беженцам было проще и на местах водворения найти священника для своих духовных потребностей, поскольку они попадали в ту же православную среду. Трудности в этом смысле испытывали беженцы католики, лютеране, протестанты и др. Полякам, литовцам, латышам, расселенным во многом на значительном расстоянии от городов и местечек, где были культовые сооружения, было трудно воспользоваться услугами пасторов своего обряда [13]. Поэтому еще одним важным заданием комиссии была разработка механизма организации командировок священников западного обряда в места скопления их земляков.

Наплыв беженцев был настолько велик, что священники, как уже говорилось, помимо своих пастырских обязанностей были вовлечены в деятельность по устройению жизни беженцев на новых местах. Среди направлений работы следует отметить участие священников в деятельности комитетов по оказанию помощи беженцам, которые создавались по инициативе земских деятелей и местной общественности; участие в работе специальных епархиальных комитетов, инициаторами которых выступили сами священники; участие в про-

ведении различных благотворительных сборов, вовлечение в них своих прихожан. При этом в деятельности священников Полтавской и Харьковской епархий можно выделить некоторые особенности.

К процессу создания местных комитетов помощи беженцам в Полтавской и Харьковской губерниях, который начался во второй половине лета 1915 г., еще до выхода «Положения об удовлетворении нужд беженцев», как свидетельствуют архивные документы, были вовлечены и священники. В Харьковской губернии, например, священники О. Анисимов, М. Николаевский и отец Иаков возглавили волостные комитеты по предоставлению помощи беженцам соответственно в городке Валки, селах Огульцы и Новоселовка Валковского уезда [5]. Три волостных комитета в Ахтырском уезде также были в подчинении священников Антония Руднева, Михаила Попова и Алексея Федорова. В Богодуховском уезде представители местного духовенства руководили деятельностью семи «попечительств о беженцах» [5]. Среди заданных вновь созданных комитетов можно назвать организацию приема, размещения, обеспечения материальных и духовных нужд беженцев, проведения разных благотворительных сборов и др.

Необходимо отметить, что священники выступали инициаторами создания церковно-приходских комитетов с привлечением к их деятельности активных членов прихода. В Харьковской губернии во второй половине сентября 1915 г. насчитывалось более 20 таких комитетов. Необходимость их образования именно в Харьковской губернии, как отметил современник тех событий, заключалась в том, что часть волостного руководства всячески препятствовала членству духовенства в подчиненных им комитетах [14]. Отношение к деятельности священнослужителей в организации благотворительности со стороны волостных старшин и сельских старост было не всегда адекватным. Кое-кто из них даже враждебно относился к местным священникам, открыто заявляя, что они могут обойтись и без «попов» [15]. Конфликт получил такой размах, что в его решение вмешался даже губернатор Н.В. Протасьев. 26 октября 1915 г. он подписал специальный циркуляр, которым возложил на земских начальников проведение разъяснений среди волостных и сельских должностных лиц о необходимости сотрудничества с местным духовенством «... для совместной работы по делу помощи пострадавшим от войны» [5].

В то же время губернская власть, понимая роль духовенства среди населения, стремилась к тесному взаимодействию с ними по вопросу опеки беженцев. Поэтому архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний и его представители неоднократно приглашались на заседания губернского комитета по оказанию помощи беженцам [5]. На них

рассматривались вопросы организации финансирования и благотворительных сборов среди населения, мероприятия по социальной защите беженцев и др.

Немного иначе шел процесс формирования системы помощи беженцам со стороны священников в Полтавской епархии. В начале августа 1915 г., в связи с прибытием в губернию значительного количества беженцев духовного звания с Варшавской, Волынской, Холмской и других губерний, согласно распоряжению епископа Полтавского и Прилуцкого Феофана, в Полтаве была образована специальная «Комиссия для регистрации духовных беженцев и распределения их по квартирам». Под ее руководством в составе протоиереев Владимира Щитинского, Михаила Филипенко и диакона Несвета часть беженцев была быстро расселена в четырех церковно-приходских школах Полтавы — Сретенской, Троицкой, Покровской и Николаевской и так же быстро получила необходимую помощь [16].

Губернская власть, учитывая ту оперативность, с которой духовенство решило вопрос прибывших беженцев, его возможности по привлечению населения к сбору пожертвований, наличие церковных и монастырских помещений, решила привлечь священников к общегубернским мероприятиям по организации помощи беженцам. В первой половине августа 1915 г. проблема взаимодействия власти и церкви обсуждалась на объединенном совещании представителей губернского отделения Татьянинского комитета, губернского и уездных комитетов помощи беженцам. Участники совещания под председательством Полтавского губернатора А.К. Багговута заслушали выступление протоиерея В. Щитинского. Он сообщил о запланированных и уже выполненных мероприятиях Полтавской епархии по предоставлению помощи беженцам духовного сана, об идее созыва губернского съезда духовенства для рассмотрения вопроса организации помощи беженцам. Члены совещания, в результате обсуждения выступления В. Щитинского, приняли обращение к будущему съезду. Среди прочего необходимо было: *«1) Передать под опеку монастырей и церковных попечительств беженцев-инвалидов, стариков, больных; 2) Предложить сельскому духовенству принять участие по делу расквартирования беженцев в селах и стать членами волостных комитетов помощи беженцам. 3) Сообщать в губернское отделение Татьянинского комитета о предоставлении духовенством помощи беженцам»* [16].

Характерной чертой деятельности духовенства по оказанию помощи беженцам было проведение специальных епархиальных съездов. На них и рассматривались вопросы, возникшие с появлением

этой специфической категории населения. 25 августа 1915 г. делегаты Экстренного съезда духовенства Полтавской епархии выразили полную поддержку решений объединенного совещания. Кроме того, участники съезда выступили с призывом к духовенству *«принять участие в предоставлении помощи беженцам не только духовного сана, но и всем, без исключения»* [17]. Для координации деятельности духовенства в этой сфере, по предложению епископа Полтавского и Прилуцкого Феофана, было решено создать специальные губернские и уездные епархиальные комитеты по оказанию помощи беженцам [18]. И уже 3 сентября 1915 г. в Полтаве начал работу губернский епархиальный комитет по обеспечению быта беженцев, который возглавил епископ Прилуцкий Неофит [18]. В его состав вошли представители городского духовенства и духовных учебных заведений. На протяжении сентября были организованы 15 уездных комитетов соответственно количеству уездов в Полтавской губернии [18]. В качестве «стартового капитала» уездные епархиальные комитеты получили по 500 руб. из фонда губернского свечного завода.

Свою деятельность комитеты *«стремились согласовывать с деятельностью соответствующих светских организаций, направляя в состав последних своих представителей»* [18]. Кроме того, взаимодействие выражалось и в конкретной помощи, которую земства получали от епархиальных комитетов. Например, губернский епархиальный комитет в течение сентября-ноября 1915 г. передал комитету помощи беженцам, который действовал при Переселенческом бюро губернской земской управы, 176 комплектов белья и одежды [18]. Миргородский епархиальный комитет, организовав среди населения уезда сбор пожертвований, направил Миргородскому земскому комитету помощи беженцам 371 комплект белья и одежды, 1493,8 кг различных съестных припасов. Хорольский земский комитет помощи беженцам тоже получил от уездного епархиального комитета 80 кг продуктов питания [18]. Представители Зиньковского уездного епархиального комитета, учитывая незначительное количество беженцев в уезде, расселенных, главным образом, в местечке Опошня, активно участвовали в работе Опошнянского объединенного опекунского совета. При этом священники призывали *«паству к посильным пожертвованиям натурой для беженцев»* [19]. В результате проведенной благотворительной акции Зиньковская уездная земская управа получила *«85 руб. 72 коп., 384 килограмма зерна и 20 аршин холста»* [18].

Следует отметить, что 27 августа 1915 г. на съезде делегатов Екатеринославской епархии был создан губернский епархиальный коми-

тет под почетным председательством и покровительством епископа Агапита. При этом было решено, *«...чтобы эвакуированные беженцы не остались без попечения и призрения, Епархиальный Комитет образовал свои уездные отделения под председательством местных благочинных, на которые возложена обязанность оказывать всестороннюю помощь находящимся в их распоряжении беженцам»* [4].

31 августа 1915 г. состоялся съезд епархиального духовенства Харьковской епархии, на котором обсуждались способы привлечения прихожан к поддержке беженцев, ассигнования на их нужды средств и др. [14]. В то же время идея создания губернского епархиального комитета и его уездных отделений не выдвигалась. Инициатором создания в начале октября 1915 г. Харьковского губернского епархиального комитета выступил Святейший Синод. На комитет под руководством архиепископа Антония была возложена координация деятельности церковно-приходских комитетов и непосредственно священно-служителей, а также устройства быта беженцев. Таким образом, духовенство Полтавской и Харьковской епархий достаточно оперативно создали свои комитеты помощи беженцам, а также включились в деятельность земских аналогичных структур по оказанию помощи беженцам.

Довольно сложной проблемой стало расселение прибывающего потока беженцев, поэтому священники активно включились в эту работу. Для приема беженцев были подготовлены здания духовных школ, монастырей, хозяйственные постройки при церквях и т.д. Например, в Полтавской епархии должное внимание и поддержка были предоставлены вдовам священников, которые с детьми были расквартированы и обеспечены бесплатным питанием в Козельщинском женском и Полтавском Крестовоздвиженском монастырях. В отдельных случаях помещения церковных учебных заведений на несколько дней становились убежищем для транзитных беженцев-священников и их семей. Например, в Полтаве администрация мужского духовного и женского епархиального училищ выделили беженцам 20 кроватей [16]. В целом священнослужители, прибывшие в августе 1915 г. в Полтаву, получили единовременное пособие из фонда Центрального епархиального комитета по предоставлению помощи раненым и больным воинам [16].

В Харьковской епархии беженцы частично были расселены в монастырях. 13 августа 1915 г. харьковский губернатор Н.В. Протасьев получил письмо архиепископа Антония, в котором тот сообщал о готовности монастырских помещений к приему беженцев, *«...в настоящее время все эти обители в заседании отцов настоятелей 10 сего Августа обязались принять на постой беженцев:*

-
1. Святогорский монастырь 600 чел.
 2. Ряснянский 200 чел.
 3. Ахтырский 50 чел.
 4. Спасов скит 30 чел.
 5. Высочиновский 20 чел.
 6. Хорошевский женский 20 чел.

И Харьковский Николаевский женский 50 человек; наконец Куряжский монастырь может поместить 100 беженцев. [...] Архиепископский дом на даче предназначен для зимования интеллигентным беженцам из Галиции, находящимся до начала учебных занятий в здании Духовной Семинарии [...]» [4].

Важно отметить, что уже в начале сентября 1915 г. губернатор циркулярным распоряжением к уездным комитетам помощи беженцам обязал последних расселять в монастырях лишь православных беженцев, тогда как католиков, лютеран и пр. — расквартировывать у местного населения [5].

Во многих приходах священники, часто подавая личный пример, призывали своих прихожан брать к себе на квартиры беженцев. Например, священник Михаил Николаевский из села Огульци Валковского уезда сумел убедить население волости в необходимости отведения бесплатных квартир беженцам. При этом он сам предоставил жилье для шести семей беженцев. 27 мая в 1916 г. о подвижничестве М. Николаевского Харьковскому губернатору сообщал О.М. Фалькенштейн, исполняющий обязанности председателя Валковской уездной земской управы. Его благородная деятельность сэкономила около 2 тыс. руб. государственных средств, предполагаемых на «квартирную помощь» [5]. В слободе Ново-Боровая Старобельского уезда 17 прихожан предоставили беженцам по одной комнате, 5 — выделили по отдельному дому, 20 — взяли к себе на содержание по 1–2 беженца [19].

Следует отметить, что местные жители радушно и сочувственно встречали полуголодных, промерзлых, полураздетых беженцев. Во многом к этому послужили и пасторские проповеди священников с призывами к сочувствию и состраданию. 20 октября 1915 г. священник Ефимий Шишканов писал к архиепископу Антонию: «Наконец мы узнали, что едут беженцы. С утра на кухню (устроенную предварительно в одном из нежилых домов. — авт.) пришли женщины и приготовили обед. Под вечер около кухни собрались почти все прихожане [...]. Люди взяли беженцев по домам. Ежедневно на кухне готовят обед (200 порций) и раздают бесплатно беженцам» [14]. Для этих же беженцев жители села Пасово собрали 150 пудов картофеля, 20 пудов муки, 400 штук капусты, 30 пудов ржи и других продуктов.

Проблема обеспечения беженцев нашла также отзыв и в администрации монастырей, которые неоднократно организовывали среди населения сборы продуктов и одежды, привлекали земских врачей и фельдшеров к оказанию медицинской помощи, ассигновали небольшие суммы (1,5–3 руб.) на похоронные требы и др. В монастырских столовых беженцы бесплатно получали горячую пищу. Среди прочих монастырей следует отметить Святогорскую Успенскую пустынь, монахи которой обеспечили около 800 беженцев питанием, одеждой, медицинской помощью [14].

Отдельную категорию беженцев составили священники, которые пытались найти работу на территории Харьковской епархии. В начале сентября 1915 г. с соответствующей просьбой к архиепископу Антонию обратились 438 священников, главным образом, из Волини и Холмщины [14]. Они получили должности временных священников, преимущественно псаломщиков в селах Изюмского, Змиевского [14], Богодуховского и Ахтырского уездов [19]. Временные должности псаломщиков в церквях Полтавы, Костантиноградского, Кобелякского, Кременчугского, Полтавского и других уездов получили беженцы и в Полтавской епархии [16]. Кроме того, духовенство и учителя церковно-приходских школ, согласно постановлению Святейшего Синода, в октябре-ноябре 1915 г. привлекались местной властью к проведению регистрации беженцев [14].

Одним из аспектов деятельности духовенства было его участие в организации денежных благотворительных сборов для беженцев среди местного населения. Безусловно, это сложное задание, требовало незаурядных способностей священников, поскольку гражданское население тоже страдало от военного лихолетья и, возможно, не всегда имело желание поделиться с ближними. Своими проповедями они убеждали прихожан в их святой обязанности пожертвовать обездоленным часть средств, одежду или продукты питания.

Духовенство Полтавской и Харьковской епархий приняло участие в проведении благотворительных сборов, инициатором которых выступал Святейший Синод. Кроме того, священники неоднократно отзывались на предложения провести соответствующие акции, организованные Татьянинским комитетом. Например, 31 марта 1915 г. его председатель Алексей Борисович Нейдгарт обратился к архиепископу Антонию относительно проведения сборов пожертвований среди ученической молодежи духовных учебных заведений на пользу «... *тысячи беззащитных стариков, жен и детей, бежавших от врага, разгромившего их жилища, и оставшихся безо всяких средств к существованию*» [19].

Благотворительные сборы проводились при церквях на религиозные праздники, а то и просто во время воскресных богослужений. Для этого возле храмов были установлены специально опломбированные шкатулки и кружки, куда прихожане бросали деньги.

Кроме того, летом 1915 г. в церковных приходах Харьковщины был организован сбор средств среди всего населения епархии. Непосредственная ответственность за проведение этого мероприятия возлагалась на сельских и городских священников, которые отчитывались о выполнении работ перед председателями благочинных округ. Священник Покровской церкви села Матвеевка исполняющему обязанности Благочинного I округа Богодуховского уезда Отцу Федору Вергуну доносил: *«Имею честь предоставить Вашему Преподобию отчет о сборе для Красного креста за май 1915 г. — 1,95 рубля; сбор для Галиции и Буковины 3, 9, 24, 31 мая и 7 июня — 59 копеек; в пользу общества повсеместной помощи пострадавшим от войны 9 мая и 14 июня — 66 копеек»* [5]. Анализируя документ, можно определить, что и без того незначительная сумма поступлений — 3 руб. 20 коп. — распределялась по нескольким статьям расходов. В отдельных случаях суммы сборов составляли меньше одного рубля. Например, в июне 1915 г. в Казанско-Богородицкой церкви села Вишицкое Богодуховского уезда церковным старостой священником Захарием на богослужениях было собрано лишь 35 коп. В то же время в Харьковской епархии были проведены два больших сбора пожертвований, посвященных неделе Самарянки (через пять недель после Пасхи) [5] и Рождеству Богородицы (8 сентября 1915 г. по старому стилю) [5]. В итоге было собрано 3280 руб. 70 коп. (Табл. 2).

Табл. 2

**Благотворительные сборы средств
на потребности беженцев
среди прихожан Харьковской епархии (1915 г.)**

№ п/п	Уезд	Количество благочинных округов	Сумма (руб.)	В среднем на один округ
6.	Купянской	3	246,37	82,12
7.	Лебединской	3	178,70	59,57
8.	Ахтырской	3	214,38	71,46
9.	Старобельской	5	497,71	99,54
10.	Сумской	3	226,26	75,42
11.	Харьковской	4	618,48	154,62
12.	Харьков	3	261,32	87,10
ВСЕГО		38	3280,70	86,33

Таким образом, священнослужители Полтавской и Харьковской епархий в годы Первой мировой войны принимали активное участие в деле организации помощи пострадавшему населению, работая в различных комитетах, проводя благотворительные сборы, поддерживая беженцев морально и материально, показывая своими действиями пастве примеры сострадания и сочувствия людям, которых военное лихолетье забросило в тыловые губернии Российской Империи.

Библиография

1. Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. — Смоленск: Русич, 2000. <http://militera.lib.ru/research/utkin3index.html>
2. Курцев А.Н. Беженство. // Россия и Первая мировая война. Материалы Международного научного colloквиума. — СПб: Д. Буланин, 1999. — С. 132.
3. Государственный архив Харьковской области (далее — ГАХО). — Ф. 720. — Оп. 1. — Д. 67. — Л. 8 — 8 об.
4. Жванко Л.М. Біженство Першої світової війни в Україні: Документи і матеріали (1914–1918 рр.). — Х.: ХНАМГ, 2009. — С. 41
5. ГАХО. — Ф. 18. — Оп. 21. — Д. 36. — Л. 76.
6. Славенсон В. Беженское (По поводу писем беженцев). // Вестник Европы. — 1916. — Июль. — №7. — С. 292.
7. Ильин А. Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 г. — февраль 1917 г.) // Правоведение. — 1991. — №5. — С. 53.
8. <http://ru.wikipedia.org/wiki>
9. Солошенко О.М. А.Ф. Коні (1844–1927 рр.) — харківський період діяльності. // Методичний вісник історичного факультету №6. — Х.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. — С. 109.
10. Лихачова Т. Культурно-просвітницька робота серед біженців-поляків з Царства Польського в роки Першої світової війни. // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії. Зб. наук. пр. — Х.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. — Вип. 10. — С. 92.
11. Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг., [Электронный ресурс]. Дисс.канд. ист. наук: 07.00.02, Москва, Государственный университет управления, 2005. — С. 69. // <http://diss.rsl.ru/diss/05/0752/050752012.pdf>
12. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени (Уложенные С.М. Левиным). — Пг.: Б.и., 1916. — С. 245. Должности главноуполномоченных по устройству беженцев были утверждены Советом Министров Российской империи 24 июля в 1915 г. для урегулирования процесса эвакуации беженцев и решения связанных с этим проблем.
13. Korzeniowski M., Mądzik M., Tarasiuk D. Tułaczy los. Uchodźcy polscy w imperium rosyjskim w latach pierwszej wojny światowej — Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. — S. 169–170.
14. Харьковские ведомости. — 1915. — 15 октября.

-
15. *Кравченко О.В.* Благодійна діяльність Православної церкви в Харківській єпархії (1799–1917 рр.). Дис... канд. іст. наук. — Х.: Харк. держ. акад. залізн. тр-ту, 2003. — С. 168.
 16. Беженцы духовного звания в г. Полтаве // Полтавские епархиальные ведомости. — 1915. — №19. — С. 1509.
 17. Журнал Вечернего заседания Экстренного съезда Духовенства Полтавской епархии // Там же. — 1916. — №3. — С. 188.
 18. Краткий очерк о деятельности Полтавского Епархиального и Уездных комитетов о беженцах со времени их открытия до 1 декабря 1915 года // Там же. — 1916. — №7. — С. 503.
 19. Заботы о беженцах // Полтавские епархиальные ведомости. — 1915. — №22. — С. 1703.